

ТИРАНИЯ ЭКСПЕРТОВ

William Easterly

The Tyranny of Experts

Economists, Dictators, and
the Forgotten Rights of the Poor

Уильям Истерли

Тирания экспертов

Экономисты, диктаторы
и забытые права бедных

Перевод с английского
ОЛЕГА ЛЕВЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА · 2016

УДК 330.342
ББК 65.01
И89

Истерли, Уильям

И89 Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных [Текст]/пер. с англ. О. Левченко; научный редактор перевода Д. Шестаков. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 496 с.

ISBN 978-5-93255-453-1

В прошедшем столетии глобальная бедность чаще всего рассматривалась как техническая проблема, для которой необходимо найти правильное «экспертное» решение. Но слишком часто эксперты предлагали решения для сиюминутных проблем и не учитывали системных политических причин, которые вызывают эти сиюминутные проблемы. Более того, эксперты объединяются с «благожелательными диктаторами», так что у диктаторов оказывается еще больше власти для того, чтобы нарушать права бедных.

В «Тирании экспертов» экономист Уильям Истерли, автор бестселлера «Бремя белых», рассказывает историю борьбы с глобальной бедностью и показывает, что такой подход не только губителен для личной свободы бедных, но его применение позволило заглушить голоса сторонников альтернативного подхода к борьбе с бедностью: подхода свободы. Истерли обсуждает множество новых научных открытий экономистов и утверждает, что лишь один новый подход к развитию — тот, который основан на уважении к личным правам людей в развивающихся странах и в котором неограниченная власть государства считается проблемой, а не решением, — способен остановить глобальную бедность раз и навсегда.

УДК 330.342
ББК 65.01

ISBN 978-5-93255-453-1

© Издательство Института Гайдара, 2016
Copyright © 2014, William Easterly.
All rights reserved.

Содержание

Предисловие к русскому изданию · 11

ЧАСТЬ I. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СПОР · 15

Глава 1. Введение · 17

Права богатых — против прав бедняков · 18; Технократическая иллюзия · 20; Анонимные апологеты авторитаризма · 22; История концепции авторитаризма · 24; Надежда на новые исследования · 26; Небезопасная дискуссия · 27; Какова же повестка дня? · 31

Глава 2. Два нобелевских лауреата — и диспут, которого не было · 35

Хайек бежит от нацистов · 39; «Дорога к рабству» · 42; Дискуссия 1: строительство «с чистого листа» — против извлечения уроков из истории · 46; Дискуссия 2: благополучие государства — против благополучия индивидуумов · 52; Дискуссия 3: осознанный план развития — против спонтанных решений · 56; Государство не противостоит рынку · 60; Идея осознанного замысла в контексте недостаточности знания · 63; Почему же спор Хайека с Мюрдалем не состоялся? · 67; Политическая мотивация отказа от дискуссии · 69

ЧАСТЬ II. ПОЧЕМУ ДИСКУССИЯ ТАК И НЕ СОСТОЯЛАСЬ:
РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ · 73

Глава 3. Однажды в Китае · 79

Три неудачных решения Версальской мирной конференции · 80; Первый международный проект экономического развития · 87; Американские эксперты по развитию Китая · 90; В поисках концепции развития · 94; Первый международный эксперт по развитию национальной экономики · 98; Ключевой момент · 101; «Фонд Рокфеллера» и его концепция «чистого листа» · 103; О том, как один историк игнорировал уроки истории · 104; Вопрос о китайской миграции исчезает из повестки дня · 105; Технократы и защитники прав человека: споры по поводу экстерриториальности · 107; «Свободный Китай» как метафора · 111; Нация превыше личности, государство превыше человека · 112; Другой путь существовал · 114; Полемика внутри Китая · 119; Чудесное спасение господина Фонга · 121; Конец националистической эпопеи · 122

Глава 4. Расовый вопрос, мировая война, судьба Африки · 124

Расизм и боязнь расовых войн · 126; Запрет на публичные проявления расизма · 130; Министерство по делам колоний борется с расизмом в собственных рядах · 130; Лорд Хейли и его African Survey · 132; Оправдание колониализма: роль государства · 135; Технократы игнорируют права личности · 136; Это похоже на настоящую расовую войну · 139; Американская атака на Британскую империю · 141; Еще один ключевой момент в этой книге · 144; Учреждение Организации Объединенных Наций · 145; Послевоенная империя · 148; Оксфордская кафедра колониальной экономики · 148; Сэр Артур Льюис и Кваме Нкрума · 151; Заключение · 156

Глава 5. Один день в Боготе · 157

Дата 9 апреля 1948 года в официальной историографии развития · 158; Колумбийская история после 9 апреля 1948 года · 162; События 9 апреля 1948 года в контексте международной политики · 166; США и развитие Латинской Америки в межвоенный период · 168; «Первородный грех» на Бреттон-Вудской конференции · 171; Третий мир как «чистый лист» · 176; Несостоявшийся спор по вопросу развития Колумбии · 178; Заключение · 180

ЧАСТЬ III. ТЕОРИЯ «ЧИСТОГО ЛИСТА» ПРОТИВ УСВОЕНИЯ УРОКОВ ИСТОРИИ · 183

Глава 6. Ценности: долгая борьба за личные права · 192

Противостояние: император против вольных городов · 192; Европа: от тирании к правам человека · 194; Появление вольных городов · 195; Ничего личного, просто бизнес · 198; Коллективистские ценности · 201; Свобода распространяется на просторы Атлантики · 203; Влияние автократии на характер общественных ценностей · 207; Укрепление демократии · 210; Азиатские ценности · 212; Великое расхождение · 214; Как права личности помогают решать проблемы развития · 219; Чем же в действительности дорожат бедняки? · 220; Споры и аргументы · 223; Как можно скорее разорвать порочный круг · 225

Глава 7. Институты как потенциальный инструмент угнетения · 226

Ситуация в Эфиопии наводит на новые размышления · 227; Социальная цена угнетения · 232; Печальная судьба народа аджа · 233; Рабство и его последствия · 236; Обоснованные доказательства · 238; Общая картина · 245; Причины колумбийской отсталости · 248; Бенин · 252; О риске прослыть левым экстремистом · 253

Глава 8. О чем мечтает большинство · 254

Когда Суринам казался перспективнее Нью-Йорка · 254;
Еще одно Великое расхождение · 257; В Нью-Йорке консервация элиты оказалась невозможной · 259; Гражданские права разрешают проблемы Нью-Йорка · 261; Эволюция Грин-стрит и расширение города · 264; Экономическая история одного семейства · 264; Судьбы беженцев · 268; Нью-Йорк: развитие и отставание · 273; Африканские условия жизни в доме на Грин-стрит, Нью-Йорк · 277; Демократия и детская смертность · 277; Уровень развития США в относительном выражении · 282

ЧАСТЬ IV. ПАТРИОТИЗМ ИЛИ КОСМОПОЛИТИЗМ? · 285

Глава 9. Мой дом: моя крепость — или моя тюрьма?

Национальные интересы и миграционные процессы · 290

Этическая сторона национализма · 290; Миграция как средство защиты прав личности · 292; Миграция как инструмент сокращения бедности · 295; Саммит ООН, которого не было · 296; Денежные переводы · 298; Утечка мозгов · 299; Западная Вирджиния — покинутое отечество · 301; Страны-призраки · 301; Мюриды · 303; Наши выводы · 306

Глава 10. Какова же роль национального государства? · 308

Влияет ли политика государства на развитие экономики? · 309; Эффективная политика — или счастливая случайность? · 310; «Помехи» против «сигнала» · 314; Погрешности измерения · 318; Региональный рост — или рост национальных экономик? · 322; Вспоминая провинцию Фуцзянь · 324; Преувеличение роли национального государства · 328; «Болельщики Алеппо» · 331; Международная торговля · 333; «Бумажные государства» · 336; Выводы · 337

ЧАСТЬ V. СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ЗАМЫСЕЛ ПРОТИВ СПОНТАННЫХ РЕШЕНИЙ · 339

Глава 11. Рыночное сообщество: место, где решаются проблемы · 343

Ассоциация по решению проблем · 345; Добрый человек из Глазго · 346; Неверно понятый мистер Смит · 348; Система, призванная решать проблемы (по Адаму Смиуту) · 351; Проблема адекватного знания · 355; Решение проблемы стимулирования · 357; Основные принципы · 358; О рынках и правилах, решающих проблемы · 359; Еще один важный момент в нашей аргументации · 361; Цели развития — и ошибочные принципы · 362; «Республика Грин-стрит» · 364; Специализация и экономический успех · 371; Изменение специализации · 374; Человек, умеющий адаптироваться к переменам · 376; Преимущества специализации · 379; Чон учится делать автомобили · 382; Как преумножить успех · 385; Адам Смит и экономическое развитие · 388

Глава 12. Технология — как, не зная способа, добиться успеха? · 389

Технология как недостающий фактор развития · 391;
Объяснительная модель, исходящая из демографического фактора · 392; Проверка «демографической» модели · 394;
Это — безумная идея, но достаточно ли она безумна? · 397;
Технология и прогресс: положительная зависимость · 399;
Противостояние в Евразии: «Восток — Запад» · 403; Долой авторитеты! · 404; Частная выгода от внедрения изобретений · 405; Появляется теоретическая модель инноваций · 407;
Распространение технологии · 408; Вместо переноса технологий — свобода перемещения людей · 409; Творческий потенциал крестьянства · 411; Перенос технологии и «созидательное разрушение»: эволюция квартала на улице Грин-стрит · 415;
Еще ряд соображений по поводу распространения технологий · 417; Догоняющие или отстающие? · 417; Расширение пространства свободы и успешное догоняющее развитие · 420;
Инновация и проблема знания: принцип непредсказуемости · 422; Этот удивительный автомобиль · 424; Потребители полагаются на собственную экспертизу · 427; Заключение · 430

Глава 13. Обаяние власти: чем нас соблазняют «благонамеренные автократы» · 432

Чудеса авторитаризма · 433; Причина или следствие? · 434;
Опасные вероятности · 435; Сэм и Джо — два героя одной притчи · 440; Миф о «полосе везения» · 442; Есть ли иные — помимо автократов — факторы роста? · 445; Сопоставление относительных и абсолютных величин · 446; Автократия — и перемены в экономической свободе · 447; Тяготение к сильным личностям · 451; Последняя проверка идеи «благонамеренной автократии» · 454; Авторитарный status quo · 459;
Как демократии сопротивляются технократам · 461; Долгий исторический спор · 471

Глава 14. Заключение · 476

Помнить о подавлении прав человека в Эфиопии · 478;
Помнить о событиях в Уганде · 481; Основания надеяться на лучшее · 483; Как оценить успех «благонамеренных автократов» в государствах Восточной Азии? · 486; Уроки развития одного нью-йоркского квартала · 488; Исчезнут ли двойные стандарты? · 489; Назад, в исходную точку... · 491

Посвящается Лиззи

Предисловие к русскому изданию

ДЛЯ МЕНЯ большая честь видеть перевод своей книги на русский язык. В моем интеллектуальном становлении Россия сыграла важную роль.

Мое знакомство с Россией состоялось четверть века назад, в 1990 году. Вероятно, за всю историю Всемирного банка я был первым сотрудником, посетившим Москву по служебным делам. В то время этого никто не заметил, так как я был лишь одним из многих аналитиков Всемирного банка в составе представительной делегации Международного валютного фонда (МВФ), в августе 1990 года направленной в СССР. Кроме того, я был слабо подготовлен к такой миссии, весьма мало знал о Советском Союзе и не говорил по-русски, что было характерно для всей делегации. Нашей задачей была подготовка исследования, совместно предпринятого МВФ и Всемирным банком, результаты которого в феврале 1991 года были опубликованы в виде 3-томного сборника под заглавием: «A Study of the Soviet Economy». Боюсь, в тот момент пользы от нашего исследования (для россиян или хоть для кого-то) было мало, разве что оно обнаружило всю глубину западного непонимания проблем Советского Союза. С сожалением я признаю мою — пусть и минимальную — роль в этом первом проявлении научного высокомерия со стороны Запада, которое не раз повторится в последующие годы. После распада СССР в период 1992–1995 годов я продолжал путешествовать по России и участвовать в написании еще ряда докладов сомнительной научной ценности.

Впрочем, обнаружив в себе (а также в других самозванных западных экспертах) упомянутое высокомерие,

я извлек для себя полезный урок, который к тому же был усилен впечатлениями от катастрофического перехода России от плановой экономики к капиталистической. Этот опыт я описал в предыдущей книге, вышедшей в 2006 году: «Бремя белого человека: почему попытки Запада помочь остальному миру приносят так много зла и так мало добра». В книге я ссылался преимущественно на немногих коллег, осознавших нелепость западных рекомендаций для России, — экономистов, так и не получивших заслуженного признания. Один из них — Питер Мюррелл из Университета Мэриленда — описал усилия Запада по реформированию российской экономики следующим образом:

Всему существующему [в этой стране] выказывается полное пренебрежение... При выборе оптимальной программы реформ... история [России], состояние общества и экономика действующих институтов — все кажется мелкими подробностями... Создание рыночной экономики рассматривается преимущественно как процесс разрушения... сторонники шоковой терапии предполагают, что реализовать их технократические решения будет довольно легко... Русским нужно лишь отказаться от всех существующих установлений.

В моей новой книге я делаю следующий шаг и описываю злополучный союз трех групп, претендующих на неограниченную власть, — союз, ставший не подспорьем, а препятствием на пути экономического развития. Во-первых, это архитекторы внешней политики развитых стран, в которой учитываются интересы самих развитых стран, но при этом игнорируются права жителей остального мира — что продолжается со времен колониализма и холодной войны вплоть до нынешней войны против терроризма. Во-вторых, это автократические режимы, угнетающие собственные народы в развивающихся странах и получающие поддержку со стороны архитекторов внешней политики развитых стран, поскольку были его союзниками в холодной войне или являются его союзниками в нынешней войне с террором. В-третьих, эксперты по вопросам развития, признающие автократическую власть первых двух группировок ради осуществления собственных целей, которые ими характеризуются как политически нейтральные, чисто технократические решения проблем мировой бедности. Эти эксперты

по вопросам развития чрезмерно уверены в собственном знании (так же, как были в нем уверены в период трансформации России) и недостаточно внимательны к политическим и экономическим правам населения стран, находящихся за пределами западного мира.

В этой книге я доказываю, что лучшие решения для экономического развития страны принимаются на основе опыта этой самой страны. Но эти решения не возникают сами по себе. Развитие с учетом национального опыта возможно тогда, когда ее жители обладают реальной политической и экономической свободой принимать собственные решения, а также поощрять своих соседей и избранных ими правителей к поиску таких решений.

Эту книгу я посвящаю защитникам свободы, равноправия и самоопределения народов всего мира.

Часть I
Несостоявшийся спор

ГЛАВА 1

Введение

ФЕРМЕРЫ округа Вуд на северо-западе штата Огайо были застигнуты врасплох. Утром 28 февраля 2010 года, когда в местной церкви происходила воскресная служба, в селение вошли солдаты. Услышав выстрелы, фермеры бросились к своим жилищам, которые к тому времени уже были охвачены пламенем. Пока одни солдаты держали фермеров на мушке, не позволяя им тушить пожар, другие облили бензином и подожгли амбары с недавно собранным урожаем зерна. Попавший в огненную ловушку, погиб восьмилетний ребенок. С молочным стадом военные покончили быстрее и гуманнее — пулеметными очередями. Затем под угрозой оружия из селения были изгнаны свыше 20 000 фермеров. «Не смейте сюда возвращаться, — кричали им солдаты, — эта земля больше не ваша».

Фермеры, чьи семьи владели этой землей в течение жизни нескольких поколений, с горечью узнали о том, что участки у них отбирает — при содействии военных — некая британская компания. Она планировала заняться разведением леса, чтобы затем продавать древесину. Еще больше фермеров поразило известие о том, что этот проект продвигает и финансирует Всемирный банк — международная организация, официальной целью которой является борьба с бедностью. Как известно, Всемирный банк не подпадает под юрисдикцию США и не подчиняется судебным решениям штата Огайо.

Казалось, в своей беде фермеры могли надеяться на спасительную гласность. И действительно, год спустя британская правозащитная организация *Oxfam* опубликовала доклад о февральской трагедии в округе Вуд.

На основе материала *Oxfam* газета *New York Times* в номере от 21 сентября 2011 года опубликовала гневную статью. На другой день Всемирный банк пообещал провести расследование. Это расследование так и не было проведено.

На момент написания этой книги — т. е. через четыре года после трагедии — о тех событиях не помнил почти никто, кроме пострадавших. После этого фермерам оставалось лишь удивляться всеобщему равнодушию.

Права богатых — против прав бедняков

Реальна ли эта история? Она реальна, за исключением места действия: события произошли не в округе Вуд, штат Огайо, а в округе Мубенде, Уганда. Всемирный банк способствовал там осуществлению лесоводческого проекта (в целях повышения доходов населения), однако в число его бенефициаров не вошли местные крестьяне, чьи права оказались грубо нарушены¹. Невозможно вообразить, чтобы подобная трагедия случилась в штате Огайо. Однако если бы она все же произошла, то вызванный ею протест быстро привел бы к справедливому наказанию виновных и к восстановлению прав пострадавших.

Формулируя в 1776 году текст Декларации независимости — самого известного в мире провозглашения политических идеалов, — Томас Джефферсон перечислил преступные деяния английского короля против его американских подданных: «Он грабил нас на море, опустошал наши берега, сжигал наши города и лишал наших людей жизни». В целях предотвращения подобных злоупотреблений в будущем авторами декларации провозглашалось следующее:

Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода

1. Josh Kron, "In Scramble for Land, Group Says, Company Pushed Ugandans Out," *New York Times*, September 21, 2011; Matt Grainger and Kate Geary, "The New Forests Company and its Uganda Plantations," Oxfam International Case Study, 22 September 2011, <http://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/cs-new-forest-company-uganda-plantations-220911-en.pdf>. accessed September 6, 2013.

и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых.

Похожие идеалы будут провозглашены народами других западных стран. Так, в Декларации прав человека, принятой Национальной Ассамблеей революционной Франции 26 августа 1789 года, авторы решаются

...изложить в торжественной Декларации естественные, неотчуждаемые и священные права человека... Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах... Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому.

Это стремление к свободе возникает у людей далеко не богатых. Французы в 1789 году и американцы в 1776 году в среднем имели такой же доход на душу населения, как и сегодняшние жители Африки. Эти же идеалы свободы разделяют многочисленные сотрудники и управляющие Всемирного банка, основанного на том же Западе. Однако, обращаясь к странам, которые в разное время назывались то странами «третьего мира», то «слаборазвитыми странами», Всемирный банк от подобных формулировок воздерживается.

Разумеется, Всемирный банк не может избежать обсуждения *хотя бы некоторых* особенностей того правления, которое утвердилось в развивающихся странах. Уже много лет Всемирный банк публикует доклад, тема которого формулируется весьма обобщенно: «управление» (governance). В последнем таком докладе Всемирного банка за 2007 год говорится:

Реализация более эффективного подхода к процессу управления... потребует... тщательной разработки... системы подробного учета результатов, оценки их с точки зрения бюджетных и кадровых последствий... а также дальнейших консультаций с заинтересованными сторонами... Конкретные инициативы, необходимые для полного осуществления указанной стратегии, будут изложены в Плане реализации².

---

2. World Bank, “Strengthening World Bank Engagement on Governance and Anti-corruption,” March 21, 2007, p. 33; <http://siteresources.worldbank.org/EXT-PUBLICSECTORANDGOVERNANCE/Resources/GACstrategyPaper.pdf>, accessed September 6, 2013.

В ходе реализации этого «более эффективного подхода к процессу управления» почти не фигурируют (или играют незначительную роль) следующие понятия: *свобода, равенство, право и демократия*. Тот факт, что в докладах Всемирного банка эти понятия отсутствуют, — не случайность; это — часть его долгосрочной стратегии. На вопрос о причинах столь очевидного исключения понятия «демократия» из официальных документов Всемирного банка автор этих строк получил от пресс-службы банка следующее разъяснение. Использовать слово «демократия» Всемирному банку запрещает его собственный устав. Предыстория этого странного и показательного запрета прослеживается еще с 1940-х годов.

Равнодушие Всемирного банка к этим идеалам проявляется и в том, что он упорно отказывается взять на себя ответственность за поджог домов угандийских крестьян. Еще очевиднее безразличие банка обнаруживается в канцелярских формулировках, таких как «более эффективный подход к процессу управления», дополненный «рассмотрением его бюджетных и кадровых последствий». У жителей округа Мубенде есть веские основания сомневаться в том, что среди людей, которые «рождаются и остаются свободными и равными в правах», есть место и для них, простых африканских крестьян.

Технократическая иллюзия

Традиционный подход к экономическому развитию, призванному сделать бедные страны богатыми, основан на технократической иллюзии. Это вера в то, что бедность является технической проблемой, поддающейся чисто техническим решениям, таким как применение удобрений, антибиотиков или пищевых добавок. Эта вера видна в действиях Всемирного банка в округе Мубенде. Те же убеждения присущи организациям, занятым борьбой с глобальной бедностью, таким как Фонд Билла и Мелинды Гейтс, ООН, а также американские и британские агентства по оказанию международной помощи развивающимся странам.

Этот технократический подход игнорирует то, что автор этих строк считает действительной причиной бед-

ности — неограниченную власть государства по отношению к лишенным прав беднякам. Например, в округе Мубенде, Уганда, методами улучшения лесного хозяйства предполагалось победить нищету. Однако такое техническое решение не годилось для жителей Мубенде. Технократическая иллюзия возможности решения экономических проблем лишь отвлекла внимание от нарушения прав крестьян угандийскими военными и Всемирным банком.

Движимые технократической иллюзией эксперты в области развития неосознанно придают легитимность и широкие полномочия государству как субъекту, призванному реализовать технические решения. Экономисты, ратующие за технократический подход, в своем восприятии власти проявляют большую наивность: они верят, что с ослаблением (или даже полным устранением) правовых ограничений та же власть по собственной воле останется добродетельной.

То, что раньше было богоданным правом королей, в наше время стало правом диктаторов на реализацию политики развития. Сегодня под такой политикой подразумеваются действия благонамеренных диктаторов, подсказанные техническими экспертами, — то, что в этой книге называется *авторитарным развитием*. Сам по себе термин «технократия» (синоним авторитарного развития), возникший в начале XX века, означает буквально «правление экспертов».

Ловкость рук, акцентирующая внимание на технических решениях при одновременном сокрытии нарушений прав реального человека, является моральной трагедией современного развития. Права бедняков — например, права угандийских крестьян на то, чтобы их фермы не были сожжены, — являются сами по себе безусловной нравственной ценностью. Нейтральных с моральной точки зрения подходов к решению проблемы бедности не существует. Всякий подход к вопросам развития предполагает либо уважение, либо нарушение прав бедных. Избежать этого морального выбора, ссылаясь на «свободную от идеологии политику, основанную на реальных данных» (популярная фраза из лексикона экспертов по вопросам развития) не представляется возможным.

Авторитарное развитие является трагедией и с точки зрения прагматизма. Как свидетельствуют история и современный опыт, свободные люди, обладающие политическими и экономическими правами, — назовем это *свободным развитием* — формируют эффективную систему решения проблем. Свободное развитие позволяет нам выбирать из множества стихийных решений и вознаграждать тех, кто разрешает наши проблемы наиболее удачным способом. Авторы подобных решений — будь то государственные учреждения или частный бизнес — достигают гораздо большего, чем диктаторы, реализующие предложенные экспертами проекты. Как мы увидим далее, свободное развитие смазывает скрипучее колесо истории, тогда как авторитарное развитие лишь стремится — порой с помощью тюремных камер и полицейских рейдов — заглушить «скрип» этого колеса.

Технократическая иллюзия объясняет бедность недостатком экспертных знаний, тогда как в реальности она вызвана недостатком прав и свобод. Акцент на нехватке экспертизы усугубляет проблему незащищенности прав, так как техническая проблема бедности (и отсутствие ее технических решений) является *симптомом*, а не *причиной* данного феномена. Автор утверждает, что причина бедности кроется в отсутствии политических и экономических прав, в отсутствии свободной политико-экономической системы, способной найти технические решения проблем бедняков. Авторитарный правитель, от которого эксперты ожидают технической реализации технических же задач, не является решением проблемы; напротив, он и есть сама проблема.

Анонимные апологеты авторитаризма

Надеюсь, я четко изложил авторскую позицию. Однако эта позиция может оказаться полностью ошибочной, так что приходится написать целую книгу, чтобы выяснить, поддерживают ли мораль, теория и эмпирические данные гипотезу о существовании тирании экспертов.

Сторонники авторитарного развития не рассматривают авторитаризм как самоцель. Они искренне верят,

что авторитарный правитель покончит с проблемой бедности скорее, чем это сделает свободное общество. По их мнению, эксперты, консультирующие автократов, могут лучше самих бедняков судить о том, как следует решать их проблемы. Может быть, оно и верно — в конце концов, есть успешные истории развития, которые состоялись в отсутствие прав личности. И наоборот, есть много примеров того, как индивидуальные усилия (со стороны как богатых, так и бедных) не дали результатов. Часто бывает так, что прагматичные доводы в пользу свободного — т. е. неавторитарного — развития вступают в противоречие с нашими интуитивными ощущениями.

В течение многих десятилетий среди специалистов по вопросам развития бытует общее представление о «благожелательном диктаторе». Согласно этой концепции лидер может иметь неограниченную власть, но при этом предполагается, что его суждения о том, как распорядиться этой властью, являются прогрессивными. Для совершения благодеяний ему (а большинство автократов — представители сильного пола) необходима лишь экспертная консультация. В тех случаях, когда в стране, управляемой авторитарной властью, действительно наблюдаются позитивные явления — например, высокие темпы экономического роста или быстрое улучшение системы здравоохранения — заслугу в этом приписывают верховному правителю. Тем самым положительные результаты воспринимаются как фактические доказательства эффективности автократии. Эти предположения могут быть верными — возможно, для целей развития авторитарное правление и в самом деле эффективнее демократического (чреватого тупиковыми ситуациями). Однако эти предположения следует, по крайней мере, обсуждать. Такому обсуждению и посвящается настоящая публикация.

Иной раз поддержка авторитарного подхода к вопросам развития носит не явный, а имплицитный характер. Нередко она диктуется альтруистическими, а не корыстными соображениями. Автократов чаще поддерживают неосознанно, нежели умышленно. Никакого заговора против индивидуальных прав и свобод не существует. Я понимаю экономистов, которые в стремлении побо-

роть глобальную бедность невольно популяризируют идею автократии, поскольку долгое время я сам был одним из ее сторонников.

История концепции авторитаризма

В этой книге представлена история идеи авторитарного развития. Как мы убедимся, спор между сторонниками авторитарного и свободного подходов все-таки имел место. Однако для специалистов по вопросам развития, в 1950-е годы возглавивших эту научную область, спор был уже решен — победили сторонники авторитаризма. Хотя их оппоненты продолжали пылко отстаивать идею свободного развития, сообщество тех, кто занимается вопросами развития, как мы увидим, их уже не слушало. Не прислушивается оно к их мнению и сегодня.

Чтобы понять, как это случилось, обратимся к предыстории официального признания темы развития, т. е. к периоду до 1949 года, когда Гарри Трумэн впервые объявил об американской программе помощи иностранным государствам. Мы рассмотрим в основном малоизвестную историю идеи развития, какой она в начале XX века появилась в дореволюционном Китае и британских колониях в Африке. Нам предстоит стать свидетелями спора между первыми представителями того направления, которое позже назовут *экономикой развития*.

Когда идея развития была сформулирована впервые, откровенные расовые предрассудки помешали Западу увидеть альтернативу — свободное развитие на основе прав личности и индивидуальных усилий как перспективу для остального мира. Колониальная и полуколониальная политика Запада приводила к прямым нарушениям прав неимущих в третьем мире. Мы увидим, как технократический подход к идее развития позволил выдавать эту политику за набор технических мер по подъему благосостояния колониальных народов.

Несмотря на исчезновение явных проявлений расизма и колониализма, притягательность технократических идей в обществе сохраняется. История позволяет нам исследовать политические мотивы, которыми зачастую определялся исход каждого такого идеологи-

ческого спора. Оказалось, что идеи технократического развития находят отклик в самых разнообразных заинтересованных кругах — от откровенных расистов и колонизаторов Запада, с одной стороны, до лидеров национально-освободительных движений, выступающих против расизма и колониализма, — с другой. В богатых странах эти идеи оказались довольно привлекательными не только для благотворительных и гуманитарных организаций, желавших покончить с глобальной бедностью, но и для тех, кого волнуют лишь интересы собственной внешней политики и национальной безопасности.

Идеи технократического развития находили понятный отклик у социальной группы, которая благодаря этим идеям наращивала свое влияние, — у группы экспертов по вопросам развития. Как мы увидим, большинство экономистов в 1950-е годы, еще до формального признания самой этой темы, преисполнились миссионерским рвением в надежде быть «рукоположенными в сан» экспертов по вопросам развития. В то же время немногие — и ныне почти забытые — исследователи взяли на себя смелость сопротивляться технократическому соблазну.

Большинство наблюдателей согласны с тем, что вопрос о том, какие страны получают иностранную помощь (т. е. пожертвования богатых государств менее развитым странам) и в каком объеме, в период холодной войны решался в соответствии с политическими интересами США. Легко заметить, что идеи, служившие основанием для оказания такой помощи, были политически выгодны великим державам уже задолго до начала холодной войны. Те же политические интересы сохраняют актуальность и сегодня, когда идет война с терроризмом.

Идеи, имевшие политическую мотивацию, в этой книге с порога не отвергаются. Никто не является полностью независимым от политической повестки, которая, в свою очередь, не исключает автоматически соображений альтруизма. Я хотел бы обсудить все эти идеи по существу, т. е. вне связи с политикой. Однако политические мотивы объясняют, почему подобное содержательное обсуждение важных идей случается столь редко.

Надежда на новые исследования

Дискуссий между сторонниками авторитарного и свободного развития не проводилось в течение шести десятилетий. Но вдохновляет и обнадеживает тот факт, что сегодня часть экономистов «выступает за хороших парней». Новая волна исследований в сферах экономической истории, политики, культуры, технологий и институтов произвела достаточное количество научного материала, чтобы дискуссия наконец состоялась. Наряду с анализом того, как авторитарное развитие стало — с молчаливого общего согласия — орудием уменьшения масштабов бедности в мире, новые исследования реконструируют историческую роль, которую в этом деле сыграла противоположная концепция свободного развития.

Угроза авторитарному консенсусу возникает в связи с новыми исследованиями — в трех аспектах, которые уже проявлялись в ходе «протодискуссии», не получившей развития. Одним из этих аспектов является акцент на истории. Технократические решения игнорируют историю как предмет малозначимый, т. е. выражают взгляд, который можно назвать *«теорией чистого листа»*. Между тем история не теряет актуальности. Чтобы показать, например, как случившийся в XII столетии перелом в восприятии личной свободы влияет на жизнь современной Италии, авторы новых исследований обращаются к далекому прошлому (к итогам сражения в северной Италии в 1176 году). Противники «теории чистого листа» признают значимость истории и призывают делать из нее должные выводы. Это позволяет самой истории служить доказательством в пользу — либо, наоборот, против — идеи авторитарного развития.

Вторым аспектом новых исследований является акцент на общемировых (а не национальных) факторах, таких как технологии, ценности и сетевые контакты, — то, что мигранты переносят из одной страны в другую. Здесь мы познакомимся с такими удивительными явлениями, как сенегальское религиозное братство, пустившее корни в крупных городах Запада. Эти — и многие другие факты и результаты научных исследований — проливают

свет на важную дискуссию по вопросам развития, происходящую между апологетами полномочий государства и защитниками прав граждан.

Наконец, третий аспект: новые исследования доказывают значимость стихийных решений, принимаемых в политической, экономической и технологической сферах. Как выяснилось, если в стране соблюдаются права человека, то там появляются новые общественные услуги, новые рынки сбыта и новые технологии. Это ставит под вопрос традиционную веру в решающую роль «благонамеренных автократов» во многих историях успеха. Например, подъем Китая как экономической сверхдержавы можно — с еще большим основанием — объяснять не столько экономической политикой Дэн Сяопина, сколько распространением картофеля в китайских деревнях. Анализ такого явления позволит нам наконец провести крупнейшую дискуссию по вопросам развития между сторонниками планового государственного подхода — и поборниками стихийных индивидуальных решений.

Как ни странно, большинство экономистов, участвовавших в новых исследованиях, не стремились решать проблему глобальной бедности; они лишь хотели лучше понять и объяснить мир. Не имели они представления и о важной — но за шесть десятилетий так и не состоявшейся — дискуссии между сторонниками авторитарного и свободного развития. Поэтому сообщество экспертов по вопросам развития — в лице официальных агентств помощи и благотворительных фондов — сохранило приверженность авторитарному консенсусу. Однако на этот раз у нас имеется научный материал, позволяющий возобновить дискуссию о развитии, не забывая при этом о правах бедных.

Небезопасная дискуссия

Задуманный нами «поход за истиной» в споре между сторонниками авторитаризма и свободы может оказаться небезопасным, ибо сложившийся консенсус в отношении вопросов развития имеет (как мы увидим) долгую историю дискредитации и подавления взглядов оппо-

нентов. Из-за множества заблуждений альтернативные взгляды остаются неслышанными. Полезно перечислить эти заблуждения:

Вы повторяете избитый тезис о том, что свободные рынки несовместимы с государственным вмешательством. Это — важный спор на тему развития, кажущийся связанным с дискуссией сторонников авторитаризма и свободы. Однако это — *не одно и то же*, ибо в споре «рыночников» с «государственниками» ничего не говорится о приоритете государства над личностью. Рынок в лице своих сторонников хочет, чтобы государство предоставило ему больше свободы. Например, оно может отменить тарифы, защищающие те или иные отрасли, так что их дальнейшую судьбу определит свободная торговля. Государство может отменить и контроль над ценами, уровень которых определит рынок. Регулируя цены на основные товары, оно стремится защитить бедных, а промышленную политику использует для выбора наиболее перспективных отраслей, способных вывести экономику на путь развития.

Тем не менее на права государства не покушается ни одна из сторон этого спора. Независимо от того, кто в нем выйдет победителем, государство сохранит возможность безнаказанно нарушать права граждан. В случае победы сторонников рынка вопрос о том, какую политику считать «рыночной», будет все так же решать руководитель государства. Он же определит, кто именно — и какими правами — может временно пользоваться (например, правом свободно торговать, с кем хочешь). Если за людьми не признается равенство прав во всех сферах деятельности, а власть государства не имеет ограничений, то права личности не гарантированы.

В споре «рыночников» с «государственниками» обе стороны разграничивают экономическую и политическую свободы, поскольку на каждой стороне есть силы, утверждающие примат одного вида свободы над другим. Впрочем, они не могут договориться о том, какая из свобод важнее. Однако если это разграничение и полезно с точки зрения аналитика, то идеальной является лишь единая концепция свободы. Когда Всемирный банк и правительство Уганды сгоняли с родной земли крестьян округа Мубенде, то чем это было — нарушении

ем их экономических или политических прав? Эти права трудно разделить: попрание прав собственности нарушает экономическую свободу граждан, а вооруженное подавление протеста нарушает их политическую свободу.

Всякий раз, упоминая *права личности*, автор подразумевает как политические, так и экономические права, по традиции соблюдаемые в современных зрелых демократиях. Длинный перечень этих прав и свобод включает политическую свободу от незаконного ареста наряду с экономической свободой от конфискации имущества; политическую свободу собраний — и экономическую свободу торговли; политическую свободу менять плохих государственных чиновников на хороших — и экономическую свободу выбирать между частными поставщиками товаров и услуг.

Ваши утверждения — не более чем идеология. В общественном восприятии ученый, затрагивающий вопросы развития, вступает на скользкий путь. Если в своих работах вы отклоняетесь от политической линии, которую академический истеблишмент считает центральной, то рискуете прослыть носителем той или иной *идеологии*. Порой аудитория ищет в текстах кодовые слова, по которым автора можно счесть сторонником экстремальных взглядов. Стоит вам несколько раз употребить слово «рынок», и вы — противник всякого государственного вмешательства в экономику. Если вы часто говорите о свободе, то вы — сторонник крайне правой идеологии. Сошлитесь на книгу Фридриха Хайека «Дорога к рабству» — и вы демагог, место которому — на телевизионных ток-шоу.

Реже признается тот факт, что исследователь рискует быть причисленным к другому — левому направлению. Если вы регулярно упоминаете понятия *колониализм, расизм, империализм* как все еще важные для уяснения вопросов развития в их прошлом и настоящем, то легко можете прослыть «левацким» идеологом.

Я надеюсь отвратить читателя от поисков кодовых слов, поскольку сам в них не верю. Разумеется, в жизни встречаются сторонники теории заговора, идеологи превосходства белой расы и прочие экстремисты, которых следует исключить из списка выступающих. Однако если мы слишком резко отсечем все крайние мнения,

то будем вечно воспроизводить консенсус, истоки которого останутся неясными. В этой истории примечательно то, что мятеж против технократического консенсуса поднимают представители обоих флангов — как левого, так и правого, — которые почти по всем иным вопросам придерживаются, как правило, противоположных взглядов.

Вы боретесь с несуществующим противником. Помимо этой отговорки, саботировать ведение дискуссии помогают, например, следующие формулировки: «истина лежит где-то посередине», или «в сущности, между нашими позициями нет существенной разницы», или «с вашими доводами вы ломитесь в открытые двери».

Иногда полезно взглянуть на предмет спора с крайних позиций, которых обе стороны стремятся всячески избегать. Рассмотрим две противоположные идеи развития: (1) план, сознательно осуществляемый лидером одного из государств третьего мира при содействии западных экспертов, и (2) результат множества стихийных решений независимых индивидуумов. Возможно, среди исследователей никто не придерживается первой концепции в ее крайнем варианте, но большинство отвергает концепцию (2) решительнее, чем первую, опасаясь (ошибочно), что вторая концепция не оставит им поля для деятельности. Непримиримость, с которой они отвергают одну крайность, представляет другую крайность более приемлемой, лежащей ближе к середине и, следовательно, менее пугающей.

Порой в этой книге упоминается «консенсус» самопровозглашенного сообщества экспертов по развитию. В это сообщество (development community) входят политические аналитики, интеллектуалы, пишущие для широкой аудитории, экономисты и представители других общественных дисциплин. Его границы определяются кругом лиц — сотрудников западных правительственных организаций помощи бедным странам, международных агентств содействия развивающимся странам (таких, как Всемирный банк), аналитических центров (таких, как Институт Брукингса), филантропических фондов (таких, как Фонд Билла и Мелинды Гейтс) и консультантов всех этих учреждений. В состав этого сообщества не входят ученые-экономисты, занятые чисто академи-

ческими исследованиями вопросов развития, если только они не выполняют научную работу для учреждений, перечисленных выше.

Идея группового консенсуса, остающегося стабильным в течение долгого времени, является упрощением — таким же, каким было в нашей дискуссии противопоставление крайних позиций. Разумеется, со временем в рамках такого консенсуса происходят изменения и появляются разные точки зрения. Тем не менее подобные упрощения необходимы для прояснения вопросов, вызывающих наибольшие теоретические споры.

Спорным является и содержание консенсуса. В его описании я опираюсь на собственный тридцатилетний опыт изучения вопросов развития, на материалы многочисленных академических трудов по этой теме, а также на прямые цитаты из официальных источников, которые я представлю по ходу повествования.

Задача этой книги — начать долгожданную дискуссию. И неважно, насколько представительным окажется консенсус, а также какую позицию и кто именно займет в теоретическом пространстве между крайними мнениями.

Какова же повестка дня?

Еще одним способом подавления альтернативных мнений является приписывание оппоненту несуществующих взглядов и суждений. Поэтому автор считает полезным разъяснить, чем настоящая книга *не является*.

Эта книга не об идеологических спорах в богатых странах. Существует масса книг о спорах между левыми и правыми в США и других развитых странах. В основном эти споры сводятся к противопоставлению рынка и государства (как описано выше). Кроме того, авторы часто увлекаются конкретными спорами по таким конкретным вопросам, как право на аборт, контроль над огнестрельным оружием или неприкосновенность частной жизни. Эта книга не о таких спорах. Ни консерваторы, ни либералы в богатых обществах не ставят под сомнение самоочевидный факт существования «неотчуждаемых прав» для обеспеченных граждан — хотя и те и другие могут, конечно, расходиться в определении

ях (и способах реализации) конкретных прав. Тем не менее автор утверждает, что их идея развития не предполагает — даже в качестве отправной точки — наличия неотъемлемых прав бедняков. Именно этот вопрос требует обсуждения и именно к такой дискуссии призывает наша книга.

Эта книга никому не вменяет вину по ассоциации. Понимание истории развития предполагает борьбу с расизмом и колониализмом. Однако те, кто сегодня придерживается мнений, когда-то типичных для расистов и колонизаторов, — например, что бедняки равнодушны к собственным правам — не объявляются по ассоциации виновными в расизме и колониализме. Хотя история идей важна, она не отмечает автоматически те из них, которые имеют сомнительное происхождение. Один из парадоксов истории идей состоит в том, что одни и те же идеи могут *одновременно* находить отклик у сторонников и противников расовых теорий или у сторонников и противников колониализма.

Эта книга не о расширении правовых границ. Помимо приведенного выше традиционного определения индивидуальных прав, имеется ряд предложений расширить эти границы за счет дополнительных прав, таких как право на питание или право на медицинское обслуживание. Ведутся споры о том, подходит ли сам термин «право» для таких случаев. Ваш автор не участвует в этом споре, который подробно освещен во многих других публикациях, например, в классическом труде «Развитие как свобода» нобелевского лауреата по экономике Амартии Сена.

Эта книга не руководство для сотрудников гуманитарных и благотворительных организаций. Автор пишет не о том, «что делать, чтобы покончить с бедностью». Да, своей книгой он преследует ту же цель, что и сотрудники гуманитарных и благотворительных организаций: ликвидацию бедности. Однако требование, чтобы дискуссии на эту тему немедленно приводили к тем или иным гуманитарным действиям, препятствует прояснению нашего мышления. Любым действиям должны предшествовать понимание вопроса и выработка принципиального к нему отношения. Именно этим задачам — а не предложению конкретных акций — посвящена

наша книга. Да, я тоже опасюсь бездействия и безразличия в отношении трагической ситуации с глобальной бедностью. Однако следует в той же степени опасаться и неверных действий, способных в случае неудачи породить в нас еще большее безразличие и разочарование. Крайне важно, чтобы действиям предшествовала выработка принципов, и именно эту цель ставит перед собой автор. По прочтении книги читатель с большим основанием сможет судить о том, почему всем нам необходимо сосредоточиться на поиске этих принципов.

Эта книга не разоблачение академического сообщества. Обсуждаемые в этой книге персонажи — эксперты и технократы — не являются научными исследователями. Это — группа политических консультантов, интеллектуалов, которые пишут для широкой аудитории, сотрудников гуманитарных агентств, благотворительных фондов и мозговых трестов, а также отдельные экстравагантные миллиардеры. То есть речь идет об уже известном «сообществе специалистов по вопросам развития». Разумеется, и академическое сообщество далеко не идеально, но в отношении исследований по общественным наукам я могу отметить много хорошего. По моему мнению, большинству исследователей присущи исключительная честность и академическая строгость. Разумеется, некоторые из них (в том числе и ваш автор) посвящают себя публичной деятельности, а другие становятся государственными чиновниками. Однако под определение «технократ» они могут подпадать лишь в последнем случае. И лишь в качестве общественных деятелей или госчиновников могут они участвовать в великом споре между сторонниками теорий авторитарного и свободного развития.

Эта книга не ставит под сомнение экспертные знания как таковые. Если в моем туалете поломается бачок, то я вызову мастера-сантехника и отблагодарю его за работу. Если я заболею, то обращусь к врачу-специалисту и тоже поблагодарю его за квалифицированный совет. Населению беднейших стран мира эксперты в области санитарии, здравоохранения и образования приносят огромную пользу. Разумеется, медикаменты и противомоскитные сетки сохраняют миллионы жизней. Эта книга не отвергает экспертные знания. Речь в ней идет

о том, что специалистам в области развития присущи разные амбиции — конструктивные и деструктивные — и что эти особенности необходимо учитывать.

Я попытаюсь подробнее изложить нашу теоретическую дискуссию с помощью противоположных взглядов двух ученых, ставших лауреатами премии памяти Нобеля по экономике в один и тот же день. В дискуссии на тему развития они были яркими представителями противоположных мнений по поводу индивидуальных прав, хотя лично никогда не сталкивались в этой полемике. Когда мы изучим их взгляды, нам станет яснее, сколь высоки были ставки в этом споре. Кроме того, мы поймем, почему один из них хотел, чтобы спор состоялся, а другой — нет.